

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КНИГИ ЛИТАГЕНТСТВА ФТМ

КЛАССИКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЛЬЮИС СИНКЛЕР

1885-1951

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КНИГИ ЛИТАГЕНТСТВА ФТМ

Льюис Синклер

БЭББИТ

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(2)

**Оригинал-макет книги для PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»**

Перевод Риты Райт-Ковалёвой

Синклер, Л.

Бэббит. [Роман]. / Льюис Синклер. Перевод с англ. Р. Райт-Ковалёвой — Москва: ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2022. — 494 с.

ISBN 978-5-521-74750-4

«Бэббит» — сатирический роман американского писателя, лауреата Нобелевской премии, мастера и знатока психологии «среднего американца» Льюиса Синклера. С первой публикации романа «Бэббит» фамилия главного героя стала в английском языке именем нарицательным. Романтический герой уже не был рыцарем или ковбоем, летчиком или храбрым прокурором — им стал Великий Коммерсант, умеющий анализировать, герой, который посвятил себя одной, но космической цели — продаже, не продаже чего-нибудь определенного кому-нибудь определенному, а Продаже с большой буквы.

В 2015 году роман включен в список «100 лучших англоязычных романов» по версии «Гардиан» как одно из выдающихся произведений американского «критического реализма».

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-521-74750-4

© Перевод. Р. Райт-Ковалёва, наследники, 2022
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2022

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Башни Зенита врезались в утреннюю мглу; суровые башни из стали, бетона и камня, несокрушимые, как скала, и легкие, как серебряные стрелы. Это были не церкви, не крепости, — сразу было видно, что это — великолепные здания коммерческих предприятий.

Туман из жалости прикрывал неприглядные строения прошлых лет: почту с вычурной черепичной крышей, красные кирпичные вышки неуклюжих старых жилищ, фабрики со скважинами задымленных окон, деревянные дома грязного цвета. В городе полно было таких уродов, но стройные башни вытесняли их из центра, а на дальних холмах сверкали новые дома, где, казалось, обитают радость и покой.

Через бетонный мост промчался лимузин — длинный, блестящий, с бесшумным мотором. Его владельцы, веселые, разодетые, возвращались с ночной репетиции «Интимного театра», где любовь к искусству подогревалась немалой толикой шампанского. За мостом шло железнодорожное полотно в путани-

¹ Уортон Эдит — американская писательница и автор известного психологического романа «Век невинности» (1920).

це зеленых и алых огней. С гулом пролетел нью-йоркский экспресс, и двадцать стальных рельсов сверкнули в ослепительном свете.

В одном из небоскребов приняли последние телеграммы агентства Ассошиэйтед Пресс. Телеграфисты устало сдвинули со лба целлулоидные козырьки — всю ночь шел разговор с Парижем и Пекином. По зданию расползлись сонные уборщицы, шлепая старыми туфлями. Утренний туман рассеялся. Вереницы людей с завтраками в руках тянулись к гигантским новым заводам — сплошное стекло и полый кирпич, — в сверкающие цехи, где под одной крышей работало пять тысяч человек, производя добротный товар, который пойдет и на берега Евфрата, и в африканские вельды. Гудки встречали их веселым гулом, бодрой, как апрельский рассвет, песней труда, в городе, словно воздвигнутом для великанов.

II

Ничего «великанского» не было в человеке, который в эту минуту просыпался на закрытой веранде особняка колониального стиля, в том изысканном предместье Зенита, которое носило название «Цветущие Холмы».

Звали его Джордж Ф. Бэббит. В апреле этого, тысяча девятьсот двадцатого, года ему было уже сорок шесть лет, и он, в сущности, ничего не умел производить: ни масла, ни башмаков, ни стихов, — зато превосходно умел продавать дома по цене, которая мало кому была по карману.

У него был большой, розовый череп, покрытый редкими суховатыми каштановыми волосами. Лицо его во сне казалось

совсем ребяческим, несмотря на морщины и красные вмятины от очков на носу. Он был не слишком толст, но отлично упитан; щеки его походили на подушки, а холеная рука, лежавшая поверх армейского одеяла, слегка отекала. Сразу было видно, что он состоятелен, безнадежно женат и прозаичен. Да и закрытая веранда, на которой он спал, была чрезвычайно прозаична: с нее был виден довольно большой вяз, две аккуратные полоски газона, бетонная дорожка и гараж из рифленого железа. И все же Бэббиту опять снилась юная волшебница, и сон его был поэтичнее алых пагод у серебряного моря.

Уже много лет юная волшебница являлась ему во сне. И если другие видели в нем только Джорджи Бэббита, для нее он был молод и отважен. Она ждала его в полутьме сказочных рощ. И как только ему удавалось уйти от домашней толчеи, он мчался к ней. Жена, крикливые друзья — все пытались догнать его, но он убегал за легконогой подругой, и они садились отдохнуть на тенистом холме. Она была такая тоненькая, такая светлая, такая ласковая! Она уверяла его, что он веселый и храбрый, что она будет терпеливо ждать и они уплывут далеко-далеко...

Грохот и стук молочного фургона...

Бэббит застонал, повернулся на бок, пытаясь возвратиться в сон. Но ее лицо только на миг мелькнуло перед ним сквозь туманную мглу. Истопник грохнул дверью подвала. В соседнем дворе залаяла собака. И когда Бэббит снова погрузился в блаженную теплую волну, почтальон, посвистывая, прошел мимо парадного, и свернутый номер «Адвоката» со стуком полетел на пол у двери. Бэббит вздрогнул, с испугу у него сразу засосало в животе. И только он снова успокоился, его пронзил знакомый противный звук — рядом заводили форд: «пф-ф-у-у, пфф-у-у, пфф-у-у!» Бэббит — сам страстный автомобилист — мысленно стал крутить ручку вместе с невидимым водителем,

вместе с ним напряженно ждал, пока не загудит мотор, вместе с ним мучился, когда мотор заглох и снова пошло противное, въедливое «пф-ф-у-у, пфф-у-у», — звук был какой-то круглый, плоский, по-утреннему зябкий, доводящий до бешенства, неумолимый звук. И только когда нарастающий гул мотора сказал ему, что форд пошел, Бэббит с облегчением вздохнул, спокойно посмотрел на свое любимое дерево — ветви вяза четко выступали на позолоте неба — и стал на шаривать сон, как шарят в поисках снотворного. Он, который в детстве так доверчиво относился к жизни, теперь был почти равнодушен ко всем мыслимым и немыслимым происшествиям, которые ему сулил наступающий день.

И он снова ушел от действительности, пока в семь двадцать не зазвонил будильник.

III

Это был лучший из широко разрекламированных будильников серийного выпуска, со всякими новшествами, вроде колокольного звона, переменного боя и светящегося циферблата. Бэббит гордился тем, что его будит такой великолепный механизм. Это так же поднимало человека в глазах общества, как покупка самых дорогих шин для автомобиля.

С неохотой он признал, что выхода нет — надо вставать, но не встал, чувствуя, как ненавистна ему скучная и однообразная работа в конторе по продаже недвижимости, как противна семья и как он сам себе противен за то, что они ему противны. Накануне он до полуночи играл в покер у Верджила Гэнча, а после таких развлечений он всегда до завтрака бывал не в духе. То ли он

выпивал слишком много пива, которое при сухом законе варили дома, и после пива выкуривал слишком много сигар, то ли ему бывало обидно возвращаться из хорошей, крепкой мужской компании в ограниченный мирок жен и стенографисток, где все время пристают, чтобы ты не курил так много.

Из спальни, выходявшей на террасу, раздался до тошноты бодрый голос жены: «Пора вставать, Джорджи, милый!» — и этот зудящий звук, этот шорох и треск от вычесывания волос из жесткой щетки.

Он хрюкнул себе под нос, выпростал толстые ноги в младенчески-голубых пижамных брюках из-под армейского одеяла и сел на край кровати, ероша растрепанные волосы и машинально нащупывая толстыми ступнями ночные туфли. С грустью он взглянул на плотное защитного цвета армейское одеяло — постоянное напоминание о свободе и героических приключениях. Одеяло было куплено для туристской вылазки, которая так и не состоялась. Оно стало заменой безудержного безделья, безудержного сквернословия и мужественных фланелевых рубашек.

С трудом разминая суставы, он поднялся на ноги и застонал от болезненной рези в глазах. И хотя он ждал, что приступ режущей боли может еще повториться, он все же обвел мутным взглядом свой дворик. И, как всегда, это доставило ему огромное удовольствие. Двор был вычищен и выскоблен, как положено двору преуспевающего зенитского коммерсанта, то есть это был превосходный двор, который вызывал у хозяина чувство собственного превосходства. Бэббит посмотрел на железный гараж и подумал, как думал триста шестьдесят пять раз в году: «Дешевка, куда она годится, эта жестянка? Надо будет выстроить хороший деревянный гараж. Но, честное слово, больше на участке ничего устаревшего нет!»

Глядя на свой гараж, он подумал, что в Глен-Ориоле, где он застраивал участки, нужен общественный гараж. Он перестал пыхтеть и поеживаться. Он упер руки в бока. Насупленное, опухшее от сна лицо вдруг стало решительным и твердым. Он сразу стал хозяином, дельцом, из тех, кто умеет планировать, управлять, добиваться своего.

И под воздействием этих мыслей он решительно зашагал по пустому, чистому, словно необитаемому, коридору в ванную.

Хотя дом был невелик, но, как во всех особняках Цветущих Холмов, ванная в нем была поистине королевская — сплошной фаянс, керамические плитки и блистающий серебром металл. Сушилка для полотенец была сделана из матового стекла, оправленного в никель. В ванне легко поместился бы прусский гвардеец, а над вделанным в стену умывальником красовались такие замысловатые и ослепительные приспособления для зубных щеток, бритвенных приборов, мыльниц и губок, такая потрясающая аптечка, что казалось, стоишь перед распределительным щитом электростанции. Но Бэббит, чьим идолом было Новейшее Оборудование, недовольно поморщился. Вся ванная пропахла какой-то мерзкой зубной пастой. «Опять Верона за свое! Сколько раз я ее у-пра-ши-вал — покупай «Лилидол»! — а она опять притащила какую-то вонючую пакость, от которой тошнит...»

Циновка возле ванны смята, пол мокрый. У Вероны, его дочери, иногда появляется фантазия — принимать ванну рано утром! Он поскользнулся на циновке, ударился о ванну. «Черт!» — выругался он. Свирепо схватил крем для бритья, свирепо намылился, воинственно шлепая пенной кисточкой, и свирепо стал скрести толстые щеки безопасной бритвой. Бритва не шла. Лезвие притупилось. Он опять выругался: «О, ч-чч-черрт!»